

УДК 316.343.72

Регион: экономика и социология, 2012, № 3 (75), с. 73–95

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНОВ СИБИРИ

Н.Д. Вавилина

Новый сибирский институт

Аннотация

Показана инфраструктура социального развития субъектов РФ, входящих в Сибирский федеральный округ. Исследуются возможности их социального развития, оцениваются субъективные условия социальных изменений. Представлены субъекты социальных изменений на региональном уровне.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, образовательные зоны, социальные услуги, субъекты социального развития, социальное участие

Abstract

The paper describes the social infrastructure, potential for social development, subjective conditions and players of regional social changes in the regions of the Siberian Federal District, Russia.

Keywords: social infrastructure, educational zones, social services, subjects of social development, social involvement

Стремительные изменения современного общества приводят к тому, что различные его сферы развиваются неравномерно. Более того, внутри каждой сферы: экономической, политической, социальной, духовной – можно выделить разные уровни, которые иногда сущест-

венно отличаются друг от друга по степени развития, формам проявления, зачастую они дисгармонируют друг с другом, с трудом укладываются в универсальное пространство социальной жизни.

Внутренние проблемы российской модернизации обостряются тем, что глобальные процессы вносят изменения во все традиционные способы социального и индивидуального существования. Ни одна другая эпоха не характеризовалась такой интенсивной социальной динамикой, как современная. Различные социальные группы, классы, страты находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Происходит перемещение социальных групп в географическом пространстве, бурно идут процессы миграции.

В результате постоянных перемен как на глобальном, так и на локальном уровне особо остро встает проблема общероссийской национальной идентификации и самоидентификации, так как эпоха модерна – это эпоха национальных государств, формирования нации. От того, насколько успешным будет процесс формирования единой нации, зависят будущее государства, его стратегическая безопасность, его идеологическая значимость. При этом если экономические процессы во многом определяются расстановкой сил на мировых экономических рынках, то национальное единство государства связано с идеологической активностью самого государства. Формирование единой нации, включающей в себя различные этнокультурные группы, социальные классы и страты, – одна из наиболее актуальных задач государственной политики современной России. Не случайно именно сегодня возникла принципиально новая теоретическая конструкция – «гражданская нация». Для современной России это означает необходимость качественного обновления общества и по горизонтали, и по вертикали. Это обновление должно охватывать и все сферы жизнедеятельности, и все уровни организации государственной и общественной жизни. Фактически надо решить задачу перехода к принципиально новому типу социального развития.

Исходя из подобного понимания в статье предпринята попытка

- показать инфраструктуру социального развития отдельных субъектов РФ, входящих в Сибирский федеральный округ;

- определить объективные возможности социального развития в новых условиях;
- оценить субъективные условия социальных изменений;
- представить субъекты социальных изменений на региональном уровне.

Поскольку объем статьи ограничен, будут рассмотрены только базовые элементы социальной инфраструктуры: система образования и система культурного производства и потребления.

Уровень инфраструктуры социального развития в регионах можно оценивать с помощью различных показателей: обеспеченности и охвата населения имеющимися мощностями и объектами; объема и структуры финансирования учреждений социальной сферы; доступности объектов и услуг и др. Как правило, в этом случае для анализа используются статистические данные. Хотя надо признать, что российская статистика в этом плане не дает широких возможностей, и для характеристики развития социальной инфраструктуры по-прежнему применяются стандартные удельно-нормативные показатели отдельных отраслей. Они отражают формальное наличие тех или иных учреждений и их возможности, но практически не позволяют оценить их качество, доступность и достаточность для данного сообщества или региона. Более того, поскольку население Сибири территориально распределено крайне неравномерно, в этом случае удельно-нормативные показатели мало о чем говорят. Однако для решения задач нашего исследования даже такой портрет крайне важен.

Население Сибирского федерального округа на 1 января 2010 г. составляло 20,63 млн чел. (13,8% населения страны). Регион отличается высокой долей городского населения – 71,13%, хотя колебания значительны: от 86% в Кемеровской области до 25% в Республике Алтай.

При таком характере расселения, наверное, можно признать достаточным количеством четыре высших учебных заведения в Республике Тыве и 41 – в Кемеровской области. Развитой является система образования в Алтайском крае, Омской, Томской, Иркутской и Новосибирской областях (табл. 1).

Таблица 1

Инфраструктура образования в Сибири на начало 2011/2012 уч. г.

Регион	Число образоват. учреждений	Числ-ть учащихся общеобразоват. учреждений	Число высш. учеб. заведений	Числ-ть студентов высш. учеб. заведений
Республика Алтай	194	29031	2	5276
Алтайский край	1188	239952	11	82787
Республика Бурятия	521	119700	5	48200
Забайкальский край	632	142800	13	38000
Красноярский край	1187	300300	11	110700
Кемеровская обл.	727	264700	41	87600
Иркутская обл.	1037	279384	16	112540
Новосибирская обл.	1092	257900	24	141300
Омская обл.	829	199100	19	102104
Томская обл.	357	100900	9	78000
Республика Тыва	186	56343	4	6200
Республика Хакасия	202	57230	2	15432

В то же время необходимо отметить, что инфраструктурная нагрузка на учебные заведения по территориям существенно различается. К примеру, в Алтайском крае на одно общеобразовательное учреждение в среднем приходится 200 учащихся, в Новосибирской области – 230, а в Кемеровской – 365. Такие же различия имеют место и в системе высшего профессионального образования (см. табл. 1). Если учесть, что в Сибири весьма неравномерно по регионам развиты системы начального и среднего профессионального образования, то очевидно, что именно институт образования сегодня поддерживает неравенство регионального развития.

Современная система образования в Сибири сложилась преимущественно еще до 1990-х годов. Однако в тот период ее учредителем выступало государство, и уровень ее развития определялся планомер-

но и равномерно распределяемыми ресурсами. Сегодня учредителями в системе образования являются федеральные, региональные, муниципальные органы власти и другие институты (физические и юридические лица). И это формирует не только неравномерность развития региональных систем образования, но и разный уровень самих учреждений образования, а значит, и разное качество обучения.

В условиях демографического кризиса такое развитие системы образования ведет лишь к усилению конкуренции, причем конкуренции неэффективной. К примеру, переход на подушевое финансирование в системе среднего образования при средней наполняемости школы в количестве около 200 чел., возможно, даст повышение оплаты труда педагогов, но не изменит уровень технического и материального обеспечения самого учебного заведения. Очевидно, в этой связи следует изменить стратегии развития системы образования: от конкуренции необходимо перейти к интеграции. Но в таком случае развитие будет продуктивным не на уровне одного субъекта Федерации, а при условии «надтерриториального» объединения. При этом под объединением следует понимать лишь координацию и формирование единых стратегий развития, а не изменение учредителей или источников финансирования.

Учитывая исторически сложившиеся экономические и социальные связи, можно выделить следующие «образовательные зоны», в рамках которых можно формировать образовательные кластеры: Байкальскую (Иркутская область, Забайкальский край, Республика Бурятия), Енисейскую (Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва), Западно-Сибирскую (Новосибирская, Омская, Томская области, Алтайский край, Республика Алтай) и Кузбасскую (Кемеровская область). Более того, структура развития профессионального образования в сибирских регионах позволяет формировать специализацию того или иного образовательного кластера. К примеру, Енисейский кластер может иметь технико-технологическую специализацию, Байкальский – сервисно-технологическую, Западно-Сибирский – социоинфраструктурную и научно-исследовательскую. Наличие таких образовательных кластеров позволит перейти к развитию научно-технологических платформ, поскольку возникнет возмож-

ность концентрации всех видов ресурсов, которые сегодня тратятся на открытие новых образовательных направлений и реализацию новых программ, чтобы иметь в каждом вузе «весь набор» и конкурировать за весьма «бедные» демографические ресурсы.

Иных стратегий развития требует состояние инфраструктуры системы культуры. Если развитие системы образования должно формировать наряду с образованностью и профессиональными компетенциями также мобильность и креативность, то система культурных институтов ориентирована на формирование духовности, нравственности, способности к культурному творчеству и т.д. В этом смысле она должна быть не просто территориальной, а на определенном уровне – «местной». В данном случае более продуктивными будут не интеграционные стратегии, а стратегии «обмена» (гастроли, стажировки, обмен специалистами и т.п.). Однако реализация таких стратегий возможна лишь при интеграции действий органов управления.

Данные статистики (табл. 2) показывают, что Сибирь как регион имеет развитую инфраструктуру культурного производства. При этом каждый субъект РФ располагает всеми базовыми элементами: театрами, музеями, библиотеками и т.д. Но поскольку культурное потребление имеет индивидуализированный характер, постольку главной проблемой тогда становится проблема доступности инфраструктуры культурного производства и каждого ее элемента. Данные статистики не позволяют определить уровень такой доступности, поскольку сведения, к примеру, о количестве посетителей библиотек могут реально говорить об обращении в эти учреждения студентов ближайших вузов.

В наших исследованиях, например, в Красноярском крае* на недоступность различных учреждений социальной сферы в 2011 г. указали от 15 до 20% опрошенных (табл. 3). На доступность организаций

* Это мониторинговое исследование проводилось по заказу правительства края с 2004 по 2011 г. (1800 единиц анализа, квотная выборка; в обследование включены 11 городов, в том числе Красноярск, и 13 районов края) на основе единых методологии, методов, выборочной совокупности, в одно и то же время (сентябрь–октябрь) в течение 8 лет, что позволяет считать фиксируемые процессы возможными для всего макрорегиона.

Таблица 2

**Развитие инфраструктуры культурного производства и потребления
в Сибирском федеральном округе на конец 2010 г.**

Регион	Число театров	Число музеев	Число библиотек	Число учреждений культ.-до-суг. типа	Число кинотеатров и киноустановок
Республика Алтай	1	5	165	189	1
Алтайский край	8	58	1144	1261	126
Республика Бурятия	4	19	476	521	...
Забайкальский край	6	23	638	625	111
Иркутская обл.	11	43	806	789	62
Кемеровская обл.	7	44	728	739	154
Красноярский край	14	65	1181	1288	165
Новосибирская обл.	13	34	884	1139	270
Омская обл.	10	42	849	1118	158
Томская обл.	6	16	288	313	18
Республика Тыва	1	11	180	143	1
Республика Хакасия	4	19	220	213	18

Таблица 3

**Оценки доступности учреждений социальной сферы по месту жительства
в Красноярском крае в 2011 г., % опрошенных**

Вид учреждения	Доступны	Недоступны	Затруднились ответить
Здравоохранение: поликлиники, больницы, фельдшер.-акушер. пункты и др.	61,9	20,6	16,4
Образование: вузы, техникумы, училища, школы	60,2	14,7	23,8
Культура: дома культуры, музеи, дет. муз. школы, театры и др.	60,5	14,8	23,3
Спорт: спортивные школы, спортивные площадки, спортивные секции и др.	56,7	15,7	26,3
Социальная защита: социальные центры и др.	46,0	18,2	34,4
Занятость: центры занятости и др.	46,9	16,9	34,3

Примечание: здесь и далее в расчетах не представлена позиция «нет ответа».

системы образования и культуры указали более 60% респондентов из Красноярского края. При этом затруднились оценить ситуацию почти 24%. Очевидно, это означает достаточно высокую (почти 40%) степень неудовлетворенности возможностями, которыми сегодня располагают системы образования и культуры в контексте индивидуальных запросов.

Развитие рынков товаров и услуг в сфере образования и культуры носит весьма специфический характер, поскольку «реальным покупателем», т.е. субъектом, который оплачивает ту или иную услугу и заказывает ее (например, через формирование государственных образовательных стандартов), являются государственные и муниципальные органы управления, а «реальным потребителем» выступают граждане. Более того, в последние годы в связи с увеличением объема государственного финансирования доля расходов населением на услуги образования, досуга и отдыха заметно снизилась.

К примеру, в Красноярском крае в 2008 г. 49% жителей тратили на образование меньше 10% своих доходов, а в 2011 г. таких респондентов было уже 72%. Больше 10% своих доходов в 2008 г. тратили 41% респондентов, а в 2011 г. – 25%. На организацию досуга и отдыха в 2008 г. 52,8% опрошенных тратили менее 10% своих доходов, а 37% – более 10%. В 2011 г. первых стало 73,6%, а вторых – 24%. Очевидно, что расходы жителей на развитие собственного образования, на организацию досуга, отдыха существенно сократились.

Такой характер развития рынков в сфере культуры и образования слабо влияет на качество предоставляемых товаров и услуг. К примеру, школы конкурируют за ученика в большей степени для получения дополнительных бюджетных средств. А сам «потребитель» услуг школы – ученик не может осуществить выбор конкурентного «товара»: в одной школе ему не предоставляют на выбор, скажем, двух учителей математики. Он может выбрать школу, но, как правило, это будет более удаленная по территории.

На рынке товаров и услуг учреждений культуры влияние потребителя сказывается сильнее, но скорее это влияние его вкуса. И здесь спрос практически не определяется предложением: большинство ус-

луг либо полностью, либо частично оплачивается бюджетными средствами (дотируется). Очевидно, что такие, фактически «внерыночные», инструменты развития социально-культурных рынков не позволяют определить уровень удовлетворенности потребителей качеством услуг, предоставляемых сетью учреждений культуры и образования. Это можно сделать лишь в сравнении с оценками услуг, предоставляемых на аналогичных условиях. К таковым у нас относятся, в частности, медицинские услуги и услуги дошкольного образования.

Как показывает сравнение, на этом фоне услуги учреждений культуры и среднего образования более других удовлетворяют потребителей. К примеру, по результатам исследования, в 2011 г. в Красноярском крае коэффициент удовлетворенности (разница между оценками «удовлетворены» и «не удовлетворены») услугами школьного образования составил плюс 14,1%, культурного обслуживания – плюс 25,7%, а медицинского обслуживания – минус 10% (табл. 4).

Очевидно, что услуги систем образования и культуры имеют более высокие оценки качества, чем услуги в других социальных сферах. В немалой степени этому способствовало активное развитие институтов гражданского общества. Наши данные показывают, что со-

Таблица 4

Уровень удовлетворенности качеством социальных услуг в Красноярском крае в 2011 г., % опрошенных

Вид услуг	Удовлетворены	Не удовлетворены	Не обращались в 2011 г.	Затруднились ответить
Медицинская помощь	30,8	40,8	16,6	11,6
Дошкольное образование	25,4	17,8	33,4	23,1
Школьное образование	29,9	15,8	32,7	21,2
Дополнительное образование для детей (детские студии, кружки, клубы, секции и др.)	30,4	12,4	31,7	25,0
Культурное обслуживание (библиотеки, театры, музеи и др.)	40,2	14,5	22,7	22,3

действие деятельности в сфере культуры, искусства и духовного развития личности в Сибирском федеральном округе оказывали 1253 общественных объединения, в сфере образования и просвещения – 579, а в сфере здравоохранения, профилактики заболеваний и охраны здоровья, пропаганды здорового образа жизни – 428.

В то же время уже очевидно, что в целом инфраструктура гражданского общества в Сибири получила системное развитие. На территории всех сибирских субъектов РФ действует 13586 некоммерческих объединений (НКО), при этом 12667 из них, или 93%, по своим видам деятельности могут быть отнесены к социально ориентированным. Такие НКО существуют на всех без исключения территориях Сибири, что явно способствует их социальному развитию.

Наряду с базовыми элементами социальной инфраструктуры возможности социального развития обеспечиваются наличием определенных объективных условий. В первую очередь это связано с типом социальных отношений. Следует признать, что основным процессом, влияющим на социальное развитие любой группы в современных российских условиях, является социальная стратификация. По определению П.А. Сорокина, социальная стратификация – «это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [1, с. 302].

Конкретные формы социальной стратификации многочисленны, а ее показателями в современных условиях выступают прежде всего уровень дохода, глубина и острота бедности и т.д. Для определения таких характеристик нами использовался подход, при котором совокупный доход семьи рассчитывался респондентом как сумма основных и дополнительных доходов всех членов семьи, включая все трансферты в месяце, предшествующем опросу. Полученный примерный доход на одного члена семьи соотносился с прожиточным минимумом.

При расчете динамики уровня доходов удобно сопоставлять доходные группы, так как это позволяет элиминировать процессы инфляции, скачки цен, изменения уровня минимальной заработной платы, из-за которых абсолютные цифры оказываются трудносопоставимыми. Распределение респондентов по доходным группам основывалось на величине прожиточного минимума (ПМ) в соответствии со следующей классификацией:

- доход, не превышающий величину ПМ на одного члена семьи, – низкий;
- доход от 1 до 3 ПМ – средний;
- доход выше 3 ПМ – высокий.

При этом необходимо учитывать, что подобное деление носит весьма условный характер, не имеет экономической и статистической точности и, тем более, идеологического смысла. Но в сопоставлении с другими показателями оно дает возможность выявить определенные качественные характеристики в материальном положении населения. К примеру, динамика структуры доходов жителей Красноярского края в последние пять лет позволяет зафиксировать ряд тенденций в процессах социальной стратификации в этом регионе [2]. Доля бедных (доход менее 1 ПМ) до кризисного 2009 г. составляла в регионе одну треть населения старше 18 лет и была практически неизменной с 2007 г. (табл. 5). В 2010 г. она сократилась в 2 раза, но это было обеспечено

Таблица 5

**Структура доходов населения Красноярского края в 2007–2011 гг.,
% опрошенных**

Уровень доходов на 1 члена семьи	2007	2008	2009	2010	2011
Менее 1 ПМ	37,7	37,6	39,6	18,3	26,6
От 1 до 2 ПМ	36,3	31,3	44,2	56,8	47,8
От 2 до 3 ПМ	13,2	19,1	12,2	17,5	19,5
Более 3 ПМ	9,0	11,1	4,1	5,8	5,6

**Изменение положения доходных групп в структуре населения
Красноярского края в 2007–2011 гг., % опрошенных**

Уровень доходов	2007	2008	2009	2010	2011
Низкие доходы (до 1 ПМ)	37,7	37,6	39,6	18,3	26,6
Средние доходы (от 1 до 3 ПМ)	49,5	50,4	56,4	74,3	67,3
Высокие доходы (более 3 ПМ)	9,0	11,1	4,1	5,8	5,6

внеэкономически – на основе политического решения о повышении пенсии в РФ до уровня прожиточного минимума на территории проживания. Не случайно реальные экономические процессы, и в первую очередь рост инфляции, в 2011 г. вновь привели к увеличению группы бедных, и теперь это каждый четвертый, по самооценкам респондентов.

Если использовать классификацию, предложенную выше, то группа со средними доходами все пять лет неизменно росла. А вот группа, имеющая, по нашей классификации, высокие доходы (более трех прожиточных минимумов на одного члена семьи), в 2009 г. резко сократилась, а далее ее рост возобновился, но чрезвычайно низкими темпами (табл. 6).

Представленная динамика размеров доходных групп в одном из экономически развитых регионов Сибири позволяет сделать вывод о том, что процессы социальной стратификации имеют непродуктивный характер. Даже в рамках предложенной классификации соотношение низкодоходной и высокодоходной групп составляет 5:1. А группу со средними доходами, для которой нижняя граница в 2011 г. составляла 7 тыс. руб. на одного человека, а верхняя – 21 тыс. руб., вряд ли можно отнести к среднему классу даже в российских условиях.

Изменение уровня доходов неизбежно должно было привести к изменению людьми оценок своего социального положения. В нашем исследовании социальная самоидентификация осуществлялась респондентами на основе известной модели доходных групп. Как и следовало ожидать, рост удельного веса населения с доходами ниже 1 ПМ (на 8,3%) в 2011 г. привел к увеличению доли тех, кто отнес себя

к группе с низкими доходами (на 8,5%). Но в целом за 5 лет число таких респондентов сократилось с 48,9% в 2007 г. до 42,8% в 2011 г. Доминирующей группой в контексте социального положения являлась группа со средними доходами, и за 5 лет она выросла с 46,5 до 51,1%. Резко сократилось (почти в 2 раза) число тех, кто относил себя к группе с высокими доходами, хотя она и так была весьма незначительной (в 2011 г. – 1,4%).

Анализ результатов экономической самоидентификации нужно дополнить диагностикой социальной идентификации, осуществляемой нами на основе нескольких характеристик: уровня дохода, структуры оценок материального положения семьи и др. Такой подход позволяет определить фактически существующую социальную структуру того или иного сообщества, понять реальное соотношение богатых и бедных, зафиксировать ряд девиаций, связанных с получением материальных благ в условиях современного общества, когда имеют место неформальные доходы, теневая экономика и другие нерегистрируемые формальными институтами процессы. Этот подход был реализован в 2007–2011 гг. в красноярском исследовании, что дало возможность зафиксировать динамику некоторых социальных процессов. На основе определения уровня дохода, доходной самоидентификации респондентов и структуры оценок материального положения семьи нами были сконструированы три основные группы населения (табл. 7).

Первая группа, включающая тех, кто имеет доход ниже одного прожиточного минимума, тех, кто бедствует и едва сводит концы с концами, и тех, кто отнес себя к лицам с низкими доходами, увеличилась почти по всем рассматриваемым параметрам. Хотя следует отметить, что из тех, кто имеет доход до 1 ПМ (27%), бедствуют и едва сводят концы с концами только 12%. Очевидно, что реальное положение не столь тяжелое, но возможностей своего социального развития не видят более 40% опрошенных. В этой связи необходимо признать, что наряду с реальной бедностью (27%) нарастает «психологическая бедность», поскольку к группе с низкими доходами отнесли себя 43%

Таблица 7

**Социальная идентификация основных групп населения в 2007–2011 гг.,
% опрошенных**

Группа	Все опрошенные				
	2007	2008	2009	2010	2011
Первая:					
доход на 1 члена семьи до 1 ПМ	38	38	40	18	27
отнесли себя к группе с низкими доходами	49	39	53	34	43
«бедствуют, едва сводят концы с концами»	25	16	21	14	12
Вторая:					
доход на 1 члена семьи от 1 до 3 ПМ	49	50	56	74	67
отнесли себя к группе со средними доходами	47	56	45	62	51
«живут нормально, т.к. на всем экономят», «живут более-менее благополучно»	72	75	74	72	80
Третья:					
доход на 1 члена семьи свыше 3 ПМ	9	11	4	6	6
отнесли себя к группе с высокими доходами	3	4	2	3	1,4
«живут без каких-либо материальных затруднений»	2	7	3	5	4

респондентов. Но это тенденция, общая для всех субъектов Российской Федерации.

Вторая группа, включающая тех, кто имеет доход от одного до трех прожиточных минимумов, отнес себя к лицам со средними доходами и живет более или менее благополучно, тоже увеличилась и являлась базовой частью сообщества. Но основная часть этой группы «живут нормально, так как на всем экономят», и это состояние не может обеспечить реализацию миссии среднего класса как стимулирующей силы развития общества. Таким образом, базовая часть сообщества сегодня не способна стать гарантом стабильности.

Третья группа, включающая тех, кто имеет доход более трех прожиточных минимумов на члена семьи, кто живет без каких-либо мате-

риальных затруднений и отнес себя к лицам с высокими доходами, фактически не изменилась. Однако число тех, кто отнес себя к лицам с высокими доходами, уменьшилось в 2 раза (см. табл. 7). Это, на наш взгляд, свидетельствует о нестабильности положения данной группы и о наличии барьеров в ее развитии.

Объективные условия социального развития формируют возможности социальных изменений для тех или иных социальных субъектов. Однако наряду с возможностью необходима готовность этих субъектов, что определяется условиями субъективными. Представляется, что к субъективным условиям социальных изменений можно отнести социальное самочувствие, социальное настроение и социальное участие.

Следует признать, что в социальном самочувствии в последнее время произошли принципиальные изменения. Особенно это видно по оценкам своего будущего, сделанным респондентами на длительном интервале времени. Анализ их динамики показывает, что в 2004 г. доля тех, кто испытывал в той или иной степени уверенность в своем будущем, составляла 32,1%, а в 2011 г. – 52,3%. Тревожность и неуверенность в 2004 г. испытывали 67,9%, а в 2011 г. – 46% (табл. 8).

Закономерно, что такие социально-психологические настроения определили общий уровень удовлетворенности жителей Красноярского края тем, как складывается их жизнь. Доля тех, кто удовлетво-

Таблица 8

Динамика оценок социального самочувствия в отношении собственного будущего, % опрошенных

Оценка	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Чувство уверенности	6,7	9,2	14,7	12,5	17,1	9,2	11,9	13,2
Скорее чувство уверенности, чем неуверенности	25,4	37,2	38,8	37,5	42,3	31,9	34,2	39,1
Скорее чувство неуверенности, чем уверенности	32,1	33,6	30,1	15,7	29,9	31,1	32,3	28,2
Чувство тревоги, неуверенности	35,8	20,0	16,4	33,2	9,3	20,9	20,3	17,8

рен жизнью в той или иной степени, в 2004 г. составляла 43,3%, в 2011 г. – 55,9%. Принципиально изменился удельный вес тех, кто в той или иной степени не удовлетворен своей жизнью: в 2004 г. таких респондентов было 53,8%, в 2011 г. – 37,1%. Это означает, что если в 2004 г. в обществе доминировали люди, не удовлетворенные жизнью, то в 2011 г. – удовлетворенные.

Эти же тенденции были зафиксированы нами в исследованиях, проведенных в Новосибирской (2008–2010 гг.) и Кемеровской (2010 г.) областях, что позволяет сделать вывод о благоприятном социальном самочувствии, которое должно обуславливать готовность социальных субъектов к общественным изменениям. Однако направленность таких изменений формируется характером социального настроения. Скорее всего, характер сегодняшнего социального настроения можно определить на основе характеристики основных позиций тех или иных социальных субъектов, а для определения направленности их действий самой важной позицией будет выступать отношение к базовым элементам системы социальных институтов: политическим, государственным и социокультурным.

В большинстве современных социологических исследований такие отношения определяются через диагностику состояния доверия/недоверия, что представляется вполне оправданным. К примеру, в Красноярском крае уровень доверия к политическим партиям составил в 2011 г. 20,6%, к Президенту РФ – 46,2% (табл. 9). Для президента страны это было существенным падением уровня доверия, который в 2008 г. составлял 81,8%, и аналогично – для политических партий, поскольку в 2008 г. уровень доверия к ним был равен 31,1%.

Церкви как одному из социокультурных институтов доверяли в 2011 г. 36,4% опрошенных, а СМИ – 33,9%. Следует признать, что это достаточно низкий уровень доверия. Более того, уровень доверия к церкви по сравнению с 2007 г. (44%) даже снизился, а к СМИ – фактически остался неизменным (32,2%). Такой характер развития социокультурных институтов в течение пяти лет может свидетельствовать об «исчерпанности» их возможностей влиять как на общественные

Таблица 9

Уровень доверия к государственным и общественно-политическим институтам в Красноярском крае в 2008–2011 гг., % опрошенных

Социальные и политические институты	2008		2009		2010		2011	
	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%
Президент РФ	2	81,8	1	59,4	1	52,6	1	46,2
Губернатор края	4	60,3	3	45,4	4	37,3	3	39,2
Церковь	7	54,3	5	36,9	6	32,8	5	36,4
Правительство края	5	58,8	6	34,7	5	33,7	7	33,8
Председатель Правительства РФ	1	81,9	2	53,8	2	47,4	2	43,5
Правительство РФ	3	72,3	4	43,4	3	39,0	4	36,8
СМИ	10	46,9	10	29,8	9	27,4	6	33,9
Законодательное собрание края	8	51,5	8	30,7	7	29,5	8	32,1
ФСБ	13	39,0	12	28,8	13	25,4	12	28,2
Суды	11	43,6	13	27,6	10	27,1	10	28,5
Прокуратура	12	39,9	11	29,2	11	27,0	11	28,3
Совет Федерации	6	54,9	7	32,3	8	28,7	9	30,5
ОВД	14	34,8	14	26,1	15	22,6	14	25,4
Государственная дума	9	48,8	9	30,1	12	26,8	13	27,4
Профсоюзы	16	26,0	16	14,2	14	24,4	15	22,3
Политические партии	15	31,1	15	15,4	16	20,6	16	20,6

процессы, так и на индивидуальное поведение членов сообществ, но подтверждение этого требует специальных исследований.

Аналогичные тенденции наблюдаются в развитии социального настроения, к примеру, в Новосибирской и Томской областях. Причин, определяющих формирование таких социальных позиций, может быть несколько.

Глобальной проблемой, с которой сталкивается большинство модернизирующихся обществ, является легитимация социального и политического режима. Под легитимностью здесь понимается «способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие институты являются наилучшими из возможных для общества» [3, р. 77]. Другими словами, речь идет об отношении людей не к каким-то конкретным политикам, партиям, реформам, а к самим «правилам игры», установленным в обществе. Более того, процесс легитимации может сопровождаться конкретными событиями, усугубляющими ситуацию. Такими событиями могут быть конфликты между основными политическими субъектами, выборы, модернизация базовых политических институтов и др.

Реальным выходом из сложившейся ситуации будет формирование социального участия в процессах легитимации. Однако можно предположить, что участие в выборных процессах не будет этому способствовать, а скорее, наоборот, будет усугублять недоверие к «правилам игры», поскольку выборы ставят участников в ситуацию проявления социальных (часто классовых) предпочтений и это не ведет к консолидации сообщества.

Говоря о социальном участии, мы исходим из понимания его как включения управляемых в управление общественными делами, а также, насколько это возможно, делами государственными, включения граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, влияния общества на принятие властных решений и контроля за их исполнением, самоуправления на низовом уровне. Потенциал гражданской активности может служить важным фактором эффективных социальных преобразований. В этом смысле его следует рассматривать как необходимое условие успешной реализации политики инновационного развития российского общества. Более того, надо формировать такое социальное участие, когда будет возникать солидарность участников для обеспечения требуемых большинству социальных изменений.

Необходимо признать, что в последнее время происходит очевидное усиление роли общественных институтов в развитии общества.

Свидетельством тому могут быть широкие общественные обсуждения ряда социальных законов: об образовании, об охране здоровья, о полиции и др. Институты гражданского общества включились в развитие продуктивных отношений на Кавказе, в формирование новых позиций СМИ и т.д. У жителей сибирских регионов также отмечается высокая личная готовность принять участие в работе общественных объединений и движений. К примеру, анализ трехлетней динамики общественной активности в Красноярском крае показывает, что фактически каждый пятый опрошенный в возрасте 18 лет и старше готов к такому личному участию. Важно, чтобы нашлись продуктивные силы, способные эту готовность использовать для эффективного развития сообщества.

В современной социологии к субъектам социальных изменений принято относить три основные силы: общество (как правило, организованное в систему институтов гражданского общества), власть (в нашем случае это институты государственной власти и местного самоуправления) и бизнес (складывающийся из представителей крупного бизнеса, среднего и малого предпринимательства). В последние годы в контексте российской социологии возникли идеи «измерительных инструментов» такого межсекторного взаимодействия и предложен так называемый индекс публичной политики [4, 5].

В ходе исследования, проведенного в 2009 г. по заказу Общественной палаты РФ, был осуществлен анализ сводных индексов публичной политики, построенных для 21 субъекта РФ из семи федеральных округов, в том числе для четырех сибирских регионов. На основе полученных результатов было выделено пять типов регионов [6].

К первому типу были отнесены регионы, где респонденты из всех трех секторов (общество, власть, бизнес) дали консолидированные низкие оценки, т.е. одинаково низко оценили состояние публичной политики. Среди сибирских субъектов РФ регионом этого типа является Иркутская область.

Второй тип – это централизованные районы, где респонденты из трех секторов показали консолидированно среднюю оценку. К этому типу был отнесен Алтайский край.

Третий тип – это регионы со значительным разрывом оценок публичной политики респондентами из разных секторов. Таких территорий в Сибирском федеральном округе исследование не зафиксировало.

К четвертому типу отнесены территории, где также выявлен разрыв оценок публичной политики, но в пределах одной зоны – низких оценок. Сюда вошла Томская область.

И наконец, пятый тип – это территории с консолидированно высокими оценками публичной политики, где респонденты не менее чем из двух секторов почти одинаково высоко оценили ее состояние. К данному типу была отнесена Новосибирская область. Более того, в этом регионе оценки, сделанные представителями всех трех секторов, были консолидированно высокими.

Таким образом, необходимо признать, что реально три основные силы, формирующие социальные изменения, находятся в разных по характеру отношениях. И это влияет как на тип, так и на интенсивность социального развития регионов. Там, где эти отношения эффективны, там и более продуктивны социальные изменения. Очевидно, не случайно институциональная структура гражданского общества наиболее активно развивается в Новосибирской области, где зарегистрировано 4798 НКО, тогда как в Красноярском крае – 3685, в Иркутской области – 3276, в Омской – 2754, в Кемеровской – 2364, в Алтайском крае – 2240 [7]. Такой уровень институализации гражданского общества, видимо, обусловлен состоянием здесь публичной политики.

Однако для определения эффективности действий субъектов общественного развития недостаточно только выявления состояния публичной политики и характера отношений между упомянутыми тремя секторами. Важно оценить механизмы межсекторного социального партнерства и активность их использования в том или ином регионе. К наиболее эффективным в России отнесены 12 механизмов межсекторного социального партнерства. Высшей формой такого партнерства принято считать создание тремя секторами фондов местных сообществ, направленных на то или иное социальное изменение либо в рамках какой-либо территории, либо в положении некоторой группы. Эффективными являются механизмы, посредством которых ре-

лизован высокий уровень институализации гражданского общества: созданы на основе региональных законов общественные палаты, общественные советы, осуществляется нормативно закрепленная общественная экспертиза законопроектов, региональных стратегий развития и т.д.

В 2009 г. по заказу Общественной палаты РФ было проведено исследование эффективности использования различных механизмов межсекторного социального партнерства и выстроен рейтинг субъектов РФ по их продвижению. Для «чистоты эксперимента» всем механизмам были определены их веса от 0,2 до 0,04:

Фонды местных сообществ	0,2
Социальный заказ	0,05
Гранты и субсидии	0,15
Налоговые льготы НКО и донорам	0,07
Общественные палаты	0,15
Публичные слушания	0,05
Общественная экспертиза	0,06
Институты по правам человека и по правам ребенка	0,06
Молодежный парламент	0,04
Обществ. советы при органах исполнит. и законодат. власти	0,05
Механизмы развития малого и среднего предпринимательства	0,06

На основе полученных при расчете индексов была дана следующая классификация субъектов РФ:

1-я группа – «передовики», рейтинг которых от 0,75 и выше и которые используют 9–12 механизмов межсекторного социального партнерства;

2-я группа – «хорошисты», рейтинг которых от 0,5 до 0,75 и которые используют шесть-восемь механизмов;

3-я группа – «средняки», рейтинг которых от 0,35 до 0,5 и в которых имеют развитие четыре-шесть механизмов;

4-я группа – «не реализовавшие свой потенциал», рейтинг которых ниже 0,35 и в которых используется менее четырех механизмов.

В первую группу из сибирских субъектов РФ вошел только Алтайский край. Вторая группа в Сибирском федеральном округе представлена широко, – это Забайкальский край, Иркутская, Томская,

Омская, Новосибирская области, Республика Алтай, Республика Хакасия и Республика Бурятия. В третью группу включены все остальные территории: Кемеровская область, Красноярский край, Республика Тыва.

Таблица 10

Типология сибирских субъектов РФ по основным направлениям социального развития

Тип регионов	Субъекты РФ
<i>Формирование доступной социальной инфраструктуры</i>	
Эффективные	Новосибирская, Кемеровская области, Красноярский край и др.
Неэффективные	Республика Алтай, Республика Тыва и др.
<i>Формирование социального капитала</i>	
Инновационные	Новосибирская, Кемеровская, Томская области, Красноярский край и др.
Традиционные	Алтайский, Забайкальский края, Омская, Иркутская области, Республика Бурятия, Республика Хакасия и др.
<i>Формирование социальных отношений</i>	
Партнерские	Новосибирская область и др.
Патерналистские	Красноярский, Алтайский, Забайкальский края, Кемеровская, Томская, Омская, Иркутская области, Республика Бурятия, Республика Хакасия и др.
<i>Формирование институтов гражданского общества</i>	
Продуктивные	Новосибирская, Томская, Кемеровская области, Красноярский край и др.
Непродуктивные (конфликтные)	Омская область, Республика Бурятия, Алтайский край, Республика Алтай и др.
<i>Развитие межсекторного взаимодействия</i>	
Демократические	Иркутская, Томская, Омская, Новосибирская области, Забайкальский, Алтайский края, Республика Алтай и др.
Переходные	Республика Хакасия, Республика Тыва, Красноярский край, Кемеровская область и др.

Регионов, не реализовавших свой потенциал, в Сибирском федеральном округе нет, и это показывает, что социальные изменения в развитии всех субъектов РФ в Сибири формируются с участием власти, бизнеса и гражданского общества. А поскольку основная часть регионов включена в одну группу, это означает использование практически одних и тех же механизмов межсекторного социального партнерства. И следовательно, есть возможность консолидированных действий в рамках округа. В таком случае будет формироваться еще один субъект общественных изменений – межрегиональные консолидированные группы и институты.

В целом, проведенное исследование позволяет предложить типологию сибирских субъектов РФ по основным направлениям социального развития (табл. 10). Таков, в самых общих чертах, социальный портрет регионов Сибирского федерального округа, которому соответствуют и возможности их развития.

Литература

1. **Сорокин П.А.** Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – 542 с.
2. **Цыкалов А.Г.** Социально-экономическое развитие Красноярского края: посткризисные тренды // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 3. – С. 195–203.
3. **Lipset S.M.** Political Man: The Social Basis of Politics. – N.Y., 1959. – 432 p.
4. **Якимец В.Н.** Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. – С. 107–121.
5. **Никовская Л.И., Якимец В.Н.** Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизационным выбором // Политика. – 2007. – № 1. – С. 30–51.
6. **Доклад** о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. – М.: Общественная палата РФ, 2009. – 112 с.
7. **Доклад** о развитии гражданского общества в Сибирском федеральном округе в 2010 году. – Новосибирск, 2011. – 24 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 20.05.2012 г.

© Вавилина Н.Д., 2012